

EDN: JMYDOP

УДК 82.09

«...полное сочувствие к добру и истине»: правда в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина (к 200-летию писателя)

Двоеглазов Владимир Викторович

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-7914-0190. E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Аннотация. Важный для человечества 200-летний юбилей М. Е. Салтыкова-Щедрина придает сил для подключения к литературоведческому изучению духовных основ художественной системы все еще «не открытого» писателя. Цель статьи заключается в том, чтобы дать первоначальное расширенное представление о «правде» – важнейшем, прежде всего этико-эстетическом, звене художественного мира – с опорой на благодатные достижения щедриноведения и науки о литературе в целом. Предметом статьи является формально-содержательное исполнение «правды» как литературно-художественного факта в творчестве Салтыкова-Щедрина. В результате первоначального исследования выясняется характерность «правды» как мотива творчества писателя: это подтверждается обращением к произведениям разных годов написания («Губернские очерки», «История одного города», цикл «Благонамеренные речи», цикл «За рубежом», цикл «Мелочи жизни», цикл сказок). В наблюдении за содержанием этого мотива обнаруживается его условная эволюция. Особенность эволюции заключается во все большем углублении и расширении авторского понимания, обретении им философского начала. При этом в поиске сохраняется отталкивание от социального: окружающей картины нравов, общественных коллизий, человеческих судеб и ожидания. Складывается сложная диалектическая данность «правды» как единства «справедливости» (субстанции земного общежительного устройства) и религиозной, метафизически преданной основы жизни. Такое представление отражает современное понимание «сложноустроенности» писательского сознания, подчеркиваемой двойственности его натуры. Обращение к «внешнему» (в т. ч. биографическому) контексту представляется в рамках темы насущно значимым. Такие наблюдения могут способствовать дальнейшему исследованию и складывающемуся неконъюнктурному открытию «личной творческой правды» писателя-классика, ожидающего своего «читателя-друга».

Ключевые слова: творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, этико-философская проблематика, онтологическая истина (правда).

Для мира Салтыков-Щедрин определил себя прежде всего писателем: «Я – писатель по призванию. <...> Куда бы и как бы меня ни бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно мое призвание» [цит. по: 6, с. 221]. О личной значимости этого труда свидетельствуют и автобиографии [19, т. 17, с. 467–473]. Такое самоощущение поддерживается собратьями по перу: «Был он писатель в большей мере, чем другие писатели» [цит. по: 24, с. 7]. Вполне определенный расширяющийся смысл звучит в известных словах, обращенных писателем, художником слова к сыну: «Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому» [цит. по: 22, с. 32].

Художественность (само по себе сложное понятие в искусствознании [см., например, 18]) у Салтыкова отличается, по словам академика А. С. Бушмина, «сатирой» как «основным родом литературной деятельности» (т. е. комическим модусом) и «органическим сплавом» ее с «публицистичностью» [4, с. 21, 25, 26]. Оттого трудно проводить «точные» границы между «Губернскими очерками» и «Сказками», «Историей одного города» и «Помпадурами и помпадуршами», «Господами Головлевыми» и «Господами ташкентцами», «Мелочами жизни» и «Современной идиллией», «Пошехонскими рассказами» и «Пошехонской стариной»... – таков объемный художественный мир писателя [2, с. 269].

Комическое (как явление) чаще всего предполагает обнаружение недолжного, неправильного, не так, как нужно, сложившегося, – если говорить обобщенно, то обнаружение «несоответствия, несообразности»¹ [25, стлб. 689; 14, с. 162], «противоречия норме», «противоречия идеалу» [8, стлб. 384–385]. Это «несоответствующее», «неидеальное» видится на фоне

© Двоеглазов Владимир Викторович, 2026

¹ Ради правды следует также отметить, что учеными выделяется и комическое «соответствия»; кроме того, комическое, обладающее «игровой способностью», в принципе «динамично» и может способствовать «возрождению», жизнеутверждению [14, с. 162–163; 8, стлб. 384–385].

«соответствующего», «идеального» (хотя бы в той мере, которую ощущает и осознаёт человек как «соответствие», «идеал» в контексте общепринятого состояния определенного времени и пространства). Сам Салтыков обозначил: «Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» [19, т. 13, с. 509]. Поскольку писатель воспринимается прежде всего реалистом по основному своему художественному методу [4, с. 21], мы можем относить к его творчеству характерную реалистическую «категорию» «правды» – «сущности жизни» [1, стлб. 208]. Сам художник обозначал достоинством русской литературы ее «расширение арены правды, арены реализма» [19, т. 9, с. 23]. Таким образом, в мире Салтыкова-Щедрина обнаруживается такое сочетание черт, которое естественно приводит к необходимости уяснения сути «личной творческой правды», «духовного, нравственного идеала» писателя [3, с. 499], которые часто открываются ему в формах «гротескового реализма» [12], «буффонады» [6, с. 375].

В художественном мире Салтыкова-Щедрина *правда* присутствует как литературно-художественный факт во всей полноте, в том числе и непосредственно словесно. И. Б. Павлова – думается, здесь первый непосредственный исследователь – обозначает, что это «образ-символ» у Салтыкова [13, с. 119]. Он не единожды присутствует в произведениях писателя, т. е. является мотивом творчества, оттого обладает повышенной степенью значимости (из-за свойства повторяемости) и в какой-то мере организующей стороной художественного мира – правда как-то смыкается с писательским сознанием, мышлением, входит в состав мировоззрения биографического автора. Примеры употребления-присутствия правды многочисленны. Из тех примеров, которые приводит И. Б. Павлова в своей статье, особого внимания заслуживают следующие: правда в «Истории одного города», правда в драматическом диалоге «Торжествующая Свинья, или Разговор Свиньи с Правдою» (из цикла «За рубежом»), правда в сказке «Ворон-челобитчик».

В «Истории одного города» (1869) правда действительно внешне погружена в ироническую ситуацию: глуповский старец Евсеич издалека и осторожно «искушает» (!) правдой градоначальника Фердыщенко в разговорах (что с правдой ему хорошо будет), за что платится своей свободой. При отправлении Евсеича на съезжую «слабодушные» глуповцы в напутствие приободряют его («небось, Евсеич, с правдой тебе везде хорошо будет»), сам Евсеич прилюдно присоединяется к предательству высшей, не зависящей от самодурного начальства правды (прощения просит, «ежели перед начальством согрубил», «ежели в зачинщиках был»). На наш взгляд, следует развернуть и применить это наблюдение идейно: заслуживает внимания и то, что в общем контексте всего сатирического произведения правда все-таки присутствует среди народа, «далеко не глупого» [21, с. 84]. Ее какое-то всеобщее ощущение сопровождает известный эпизод книги с проснувшимся «стыдом» у глуповцев во время правления Угрюм-Бурчеева, по ходу сюжета в конце концов буквально направляющего к саморазрушению и самоуничтожению (кстати, жители Глупова прозвали градоначальника «Сатаной»): «Изнуренные, обруганные и уничтоженные, глуповцы, после долгого перерыва, в первый раз вздохнули свободно. Они взглянули друг на друга – и вдруг устыдились. Они не понимали, что именно произошло вокруг них, но чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно» [19, т. 8, с. 421] (попутно заметим, что «стыд» причастен «Современной идиллии» писателя; в одной из вершин творчества Салтыкова, романе «Господа Головлевы», изображена «одичалая совесть» Иудушки – Т. И. Хлебянкина заметила, что «совесть – весть о Боге», напомнила, что «в православии “совесть” понимается как “сведение, осознание в себе того, кто нас бесконечно превосходит” (В. Зелинский)» [24, с. 102]). Будучи еще головотяпами, отдав-потеряв часть свободы, люди заплакали – не есть ли и это в какой-то мере также проявление утраты неосознаваемого природного начала нормы?

Драматический диалог о торжествующей свинье (1880–1881), к которому в своем исследовании обращается И. Б. Павлова, почти неизвестен рядовому читателю. Однако он важен тем, что в нем правда предстает не эпизодным, а условно гиперболизированным – персонафицированным – явлением, что буквально (как минимум уже в названии – «Правда») привлекает читательское внимание и соотносится с авторской позицией. Традиционно в свинье здесь видят реакцию [19, т. 14, с. 597]. Но правда начинает обретать двойственный характер: если в «Истории одного города» это полускрыто «социально-этическое» однозначно положительное явление в общем контексте эпизода и произведения, то в диалоге торжествующая свинья (несомненно, отрицательный персонаж), задавая острые, провокационные (искушающие (!) саму Правду) вопросы, расширяет диапазон восприятия и осознания объема правды:

Свинья (*рассердилась*). <...> Правда ли, сказывала ты: общечеловеческая-де правда против околоточно-участковой не в пример превосходнее?

Правда (*стараясь изловчиться*). Хотя при известных условиях жизни, невозможно отвергать...

<...>

Свинья. <...> (*Наступает плотнее и плотнее*). Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всех должны обеспечивать, потому-де что, в противном случае, человеческое общество превратится в хаотический сброд враждующих элементов... Об каких это законах ты говорила? По какому поводу и кому в поучение, сударыня, разглагольствовала? ась? [19, т. 14, с. 201]

В сказке «Ворон-челобитчик» (1886, изм. и доп. в 1889) прямо обговаривается отличие «своих правд» от высшей Правды. При этом правда Ворона-челобитчика, несомненно, не теряет своего «социально-этического», справедливого значения: это подчеркивается всеми деталями речи и ее картин заглавного героя, образами хищных птиц-начальников, возрастающих по ходу сюжета в своем чине – обобщенно «словом сказать, хуже нельзя». Но рядом со всем этим встает образ человека, описанное воздействие которого на природу встает в параллель и взаимосвязь с изменениями «вороньего племени» (ср., например: «Начнет он, старик, младших собратий увещевать: “Не каркайте зря! Не летайте по чужим огородам!” – да только один ответ слышит: “Ничего ты, старый хрен, в новых делах не смыслишь! Нельзя, по нынешнему времени, не воровать. И в науке так сказано: коли нечего тебе есть, так изворачивайся. И все так нынче живут: дела не делают, а изворачиваются. Пропадать, что ли, нам! Мы еще где до свету встанем, снимем с гнезд и весь лес обшарим – везде хоть шаром покати. Ни ягоды лесной, ни пичуги малой, ни зверя упалого. Даже червь, и тот в землю зарылся”» – «Облюбовал вольные места человек и начал с того, что пустил в ход топор. Леса поредели, болота стали затягиваться, река обмелела. <...> Стук топора гулким эхом раздавался в глубинах лесных, нарушая обычное течение жизни зверей и птиц. <...> всюду проник человек! И ему тесно стало. Идет вперед с топором; стонут леса, бегут звери, а он с утра до вечера корчует пни, расчищает пашню, рубит избу, а ночью дрожит в землянке от холода и голода в ожиданье, когда-то вся эта сутолока в порядок придет [19, т. 16(1), с. 211–213]). Эти факты соединяются в речи двухсотлетнего коршуна, который прямо говорит о «личных правдах» и Правде, который говорит о необходимости жить по правде тому, кто чувствует ее в себе, и который в себе не видит этой истины – «бочком да на солнце смотрю», Правде «ни разу взглянуть в лицо не мог» (образ Солнца – архетип и символический образ Бога; у Достоевского перешедший в «миры иные» старец Зосима свидетельствует: «А видишь ли солнце наше, видишь ли ты его?» – Алеша Карамазов шепчет: «Боюсь... не смею глядеть...»; общее описание покоев коршуна создано высоким стилем торжествующей образности полноты мира: «Несколько смежных горных вершин, покрытых снегом, пламенели в лучах восходящего солнца. Издали казался точно сказочный замок, у подножия которого застыли облака, а наверху, вместо крыши, расстилалась бесконечная небесная лазурь» [19, т. 16(1), с. 217]). И финальная надежда в сказке двусмысленна: ирония-глумление над теряющим ориентиры «вороньим племенем»-народом (как источником исполнения хищных «повинностей» системы «ястребов», «коршунов», «орлов» и ее бюрократического аппарата) или же это философски звучащее ожидание всеобщего приобщения не к «своей» (горизонтальной, часто оборачивающейся индивидуалистической, «пожирающей»), а «настоящей, единой и для всех обязательной Правде», когда всё «вкупе и влюбё»². Заметим, что такая характеристика дается в приближении к так называемому сильному месту, приоткрывающему авторское отношение к изображаемому, – абсолютному концу текста [17, с. 163]. Подобное сильное место – в абсолютном начале, рассказывающее о необходимости «челобитья» ворона. Название сказки при таком понимании встраивается в вопросы: как, насколько правда-справедливость (действительно насущная во времени) соотносится с сияющей «единой и для всех обязательной Правдой»?

Об этой же проблеме – сказки «Путем-дорогою», «Христова ночь», своеобразная диалогия «Пропала совесть» (1869) и «Рождественская сказка» (1886), где прямо (публицистически)

² Здесь также нужно вспомнить, что первоначально, по-видимому, венчающим сказку мог быть недвусмысленно интерпретируемый орел [19, т. 16(1), с. 477] (символ самодержавия, царя; ср. с градоначальниками в «Истории одного города»). С древних христианских времен на Руси управитель-князь воспринимался проводником высшей христовой правды любви к Богу и ближнему здесь на земле [Юрганов, с. 81] – правда обретает свойства образа-топоса [23, с. 387–388].

звучит «упование Салтыкова-Щедрина», представлена мысль, дающая «духовные силы для творческой деятельности», считает современный ученый [13, с. 121]. Это «упование» все же есть выражение внутритекстового автора. Кроме того, оно содержательно диалектично: в сказке «Пропала совесть» финал драматически публицистичен, в «Рождественской сказке» он художественно трагичен. Писатель поднимается до уровня явного «мыслителя» [16, с. 9], «философа» [6, с. 99]. И в этом отношении закономерным моментом представляется расширяющее рассмотрение правды в произведениях Салтыкова «Приключение с Крамольниковым» (1886), «Имярек» (из цикла «Мелочи жизни», 1887), носящих, как считается, элементы автобиографического подтекста и представляющих собой «этюдные» звенья итогов творчества, жизни (К. И. Тютюкин). Здесь в центре – судьба «убежденных писателей». **Крамольников** (не раз появляющийся у Салтыкова персонаж с «характерной фамилией» [19, т. 16(1), с. 474]) жил верной службой правде и болью о своей стране. В этом контексте осознаваемая им сюжетно повернувшая личную жизнь беда, драматический исход жизни, вкрадывающееся сомнение. Однако, указывает Н. С. Никитина, содержательно важным оказывается мотив служения, бескомпромиссный и полный факт отдачи (подобный тургеневскому Дон Кихоту) – это «кредо» писателя [11, с. 110]. В **«Имяреке»** трагическое противоречие условно снимается: «он чувствует, что сердце его горит и что он пришел к цели поисков всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезе правды...» [19, т. 16(2), с. 324] Имярек расщепляет жизнь на этапы. И в каждом – все же «частицы истины», из которых складывается «большая правда». «Правда по видимости удручающих “итогах”» сосуществует с «правдой будущего», «правдой идеалов», замечает К. И. Тютюкин [22, с. 30].

Поэтическим «микрокосмом» писателя, в котором сходятся «все важнейшие идеи, темы и образы», С. Ф. Дмитренко признает оставшийся незавершенным текст Салтыкова «Приятное семейство» (из цикла «Благонамеренные речи») [6, с. 327–329]. В населенном «отставными корнетами» городке П***, куда случайно попадает рассказчик, царит атмосфера чревоугодия, тучности, себялюбия, отупения, пересудов, лжи – «религия» утробности, которая иронично воплощается в словах: «В другой раз, в доме корнета Голопятова, мне подавали ростбиф... ну, такой ростбиф, что я инстинктивно поцеловал кусок, прежде чем положить его на тарелку! <...> Но когда корнет Шилохвостов расскажет вам, что он налима, предназначенного для уха, предварительно сечет, дабы печень его от огорчения увеличилась, что он индейке, предназначенной для жаркого, предварительно зашивает проход, дабы возбудить в ней нестерпимую жажду, которая тут же и удовлетворяется цельным молоком, и когда он и этого страдальца-налима и эту страдалицу-индейку подает вам за обедом – клянусь, вы не выдержите и скажете: “Мамон, я твой! Я твой – навсегда!”» [19, т. 11, с. 503–504] Здесь правда как идеал постигается «от противного» (сравним описанную в «Приятном семействе» атмосферу с прямым выражением Щедрина: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его»). Само движение мысли главного героя намекает на отступление от нормы жизни не только формами самого комического, но и прямого обобщения: «Я с утра до вечера чувствовал себя как бы охваченным сплошным праздником, который утром принимал меня из рук Морфея и поздней ночью вновь сдавал меня Морфею на руки, упитанного, слегка **отуманенного** и сладостно измученного...»; и прямо – «Жизнь в П*** какая-то непрерывная, **полухмельная** масленица, в которой **все перемешалось**, в которой **никто не может отдать себе отчета**, почему он опочил тут, а не в другом месте» [19, т. 11, с. 504; выделено нами. – В. Д.].

Таковы промежуточные итоги в поисках правды художника, осуществленные на основании перворядных произведений в рамках темы и, как обозначают ведущие щедриноведы, в контексте большого творчества писателя. Личное, социальное, политическое приводится в произведениях Салтыкова-Щедрина к уровню общего, философского (как заметил еще С. А. Макашин, сатирик «от частного, преходящего всегда стремился подняться к общему» [9, с. 471]). Одной из граней этого уровня становится вопрос о правде (тот же «документалист» Макашин говорит о «жажде добра и правды» у Салтыкова, интерпретируя любимую фразу писателя «Горе, имеем сердца» – слова библейского пророка Иеремии [10, с. 21]).

Правда в творчестве Салтыкова условно «растущее» в оттенках смысла явление (действительно набирающее «частицы истины» в разные периоды). Она по сути диалектична в художественном мире писателя: с одной стороны, это социальная справедливость, социальное благополучие, которые принимаются как разумно осознаваемое и естественно желаемое общежительное зерно устройства на земле (форма добра). С другой стороны, правда понимается как метафизическое основание всей жизни (духовно-религиозное в расширяющемся ар-

хетипическом смысле этого понятия: Правда «извечна» и «восседала с Христом-човеколюбом одесную отца, вместе с ним воплотилась» – эта преданная деятельная любовь к Богу и ближнему [19, т. 16(1), с. 218], ко всей природе). Правда неразрывно связывается с морально-этическим, коренным состоянием человека (форма всеобщей истины: «Источник зла, как полагал Салтыков-Щедрин, не в дурной природе человека» [15, с. 127]; каждый наделен «талантом» [5, с. 50–77]; «житийный» мотив задуманных и сохраненных текстуальных начал «Пошехонской старины» «служит выражением салтыковского понимания человеческой личности как таковой и жизни любого рядового, “среднего” человека», на что обращает внимание Е. Н. Строганова [20, с. 452], и завершается образом блинов, отсылающих к космогонической символике, подчеркивает С. Ф. Дмитренко [6, с. 483]). Налицо своеобразное «неслиянное и нераздельное» «реального» и «идеального», «романтизма без романтика» в констатирующем и устремляющемся «исследовании» жизни [6, с. 437, 423]. Эта форма в широком философском ключе передается уже ранним Салтыковым-лириком, прозаиком и, думается, почти формульно чаема – в широком мире лирического введения «Губернских очерков» 1850-х годов, которое завершается словами: «Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает **полное сочувствие к добру и истине**» [19, т. 2, с. 13; выделено нами. – В. Д.]. Такова, в нашем представлении, правда Щедрина (этому отчасти вторит прямая поздняя текстовая параллель к этим словам из «Губернских очерков» в позднем «Имяреке», название писателя «суровым добряком», сохранившая мифологема имени как «Салтыков-Щедрин»...).

Мы совсем не коснулись литературно-критической деятельности, эпистолярного наследия и «служебного творчества» (С. Ф. Дмитренко). Это, безусловно, необходимая перспектива в исследовании целокупной правды Салтыкова-Щедрина (здесь в помощь – работы всех названных нами литературоведов). И в этом направлении пока утверждающе заметим: Салтыков обладал смелостью откровенно «говорить правду» [22, с. 24]; в последние дни писатель ни много ни мало напоминал обществу самое главное, чтобы «вдохновить... на праведную жизнь» [2, с. 290]. Это напоминание осуществлялось в виде «стихопрозаического» [2, с. 290] повествования «Забытые слова» (Салтыков как-то сказал Н. К. Михайловскому: «Были, знаете, слова: ну совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать! Надо же напомнить...» [цит. по 15: с. 160–161]). Поэт А. Жемчужников [7, с. 161] после кончины Салтыкова как бы продолжил его дело, создав проникновенную лирическую эпитафию и высоко оценив в ней значение художника:

Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забытые слова.

Список литературы

1. Аникст А. А. Реализм // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 6. Стлб. 205–215.
2. Ауэр А. П. М. Е. Салтыков-Щедрин // История русской литературы XIX века. 70–90-е гг. / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. М. : МГУ, 2001. С. 258–292.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 23. М. : Сов. энцикл., 1976. Стлб. 1485.
4. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина. Л. : Наука, 1987. 368 с.
5. Дмитренко С. Ф. Незнакомый мир знакомых книг. М. : МГУ, 2019. 160 с.
6. Дмитренко С. Ф. Салтыков (Щедрин). М. : Молодая гвардия, 2022. 505 с.
7. Жемчужников А. М. Избранные произведения. М. ; Л. : Сов. писатель, 1963. 417 с.
8. Кормилов С. И. Комическое // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. : Интелвак, 2001. Стлб. 384–386.
9. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989. 600 с.
10. Макашин С. А. «Сатиры смелый властелин» // Салтыков-Щедрин и русская литература / отв. ред. В. А. Туниманов, И. Н. Сухих. Л. : Наука, 1991. С. 5–22.
11. Никитина Н. С. И. С. Тургенев и М. Е. Салтыков-Щедрин: творческий диалог. СПб. : Наука, 2006. 127 с.
12. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М. : Худож. лит., 1977. 358 с.
13. Павлова И. Б. Правда в русском фольклоре и в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русская речь. 2011. № 4. С. 118–122.
14. Пинский Л. Е. Комическое // Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 162–163.
15. Покусаев Е. И., Прозоров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биография. Л. : Просвещение, 1969. 168 с.

16. Покусаев Е. И. М. Е. Салтыков-Щедрин (очерк творчества) // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977. Т. 1. С. 9–68.
17. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение : в 2 ч. / под ред. Л. В. Чернец. М. : Юрайт, 2020. Т. 1. С. 151–172.
18. Роднянская И. Б. Художественность // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 8. Стлб. 338–345.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1965–1977.
20. Строганова Е. Н. «...Я праздную память иже во святых отец наших Павла Фивейского и Иоанна Кущника» // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra : в 2 т. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2013–2016. Т. 2. С. 444–452.
21. Тарасов А. Б. Феномен праведничества в художественной картине мира Л. Н. Толстого : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. М., 2006.
22. Тюнькин К. И. Итоги жизни, итоги творчества // Салтыков-Щедрин и русская литература / отв. ред. В. А. Туниманов, И. Н. Сухих. Л. : Наука, 1991. С. 23–33.
23. Хализев В. Е. Теория литературы. М. : Академия, 2013. 431 с.
24. Хлебникова Т. И. «Святой старик» (Салтыков-Щедрин и православие) // Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий : материалы конф. Тверь, 1996. С. 100–102.
25. Шпагин П. И. Комическое // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М., 1962–1978. Т. 3. Стлб. 689–691.
26. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998. 447 с.

"... full preference for goodness and truth": Pravda (Truth) in literary world by M. E. Saltykov-Shchedrin (on the writer's 200th anniversary)

Dvoeglazov Vladimir Viktorovich

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-7914-0190.
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Abstract. The 200th anniversary of M. E. Saltykov-Shchedrin, an occasion of importance for humanity, gives new impetus to the literary study of the spiritual foundations of the artistic system of this still "undiscovered" writer. The aim of the article is to provide an initial extended understanding of pravda (truth) – the most important, primarily ethical and aesthetic, element of the writer's artistic world – drawing on the fruitful achievements of Shchedrin studies and of literary scholarship as a whole. The subject of the article is the formal and substantive realization of pravda as a literary and artistic fact in Saltykov-Shchedrin's works. The initial research reveals that pravda is characteristic of the writer's work as one of its motifs: this is confirmed by reference to works written in different years (Provincial Sketches, The History of a Town, and the cycles Well-Intentioned Speeches, Abroad, The Little Things in Life, and the fairy tales). Observation of the content of this motif reveals its conditional evolution, the peculiarity of which lies in the ever greater deepening and broadening of the author's understanding and in its acquisition of a philosophical dimension. At the same time, the search remains grounded in the social: the surrounding picture of morals, social collisions, human destinies, and expectations. A complex dialectical reality of pravda takes shape as a unity of "justice" (the substance of the earthly communal order) and the religious, metaphysically pre-given foundation of life. Such an understanding reflects the modern view of the "complexity" of the writer's consciousness and the emphasized duality of his nature. Turning to the "external" (including biographical) context appears vitally significant within the framework of the topic. These observations can contribute to further research and to the emerging unbiased discovery of the "personal creative truth" of the classic writer, who is still awaiting his "reader-friend".

Keywords: works of M. E. Saltykov-Shchedrin, ethical and philosophical problems, ontological truth (pravda).

References

1. Anikst A. A. *Realizm* [Realism] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* : v 9 t. [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 6. Cols. 205–215.
2. Auer A. P. M. E. Saltykov-Shchedrin [M. E. Saltykov-Shchedrin] // *Istoriya russkoj literatury XIX veka. 70–90-e gg.* [The History of Russian Literature of the 19th Century. The 1870s–1890s] / ed. by V. N. Anoshkina, L. D. Gromova, V. B. Kataev. M., MGU, 2001. Pp. 258–292.
3. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* : v 30 t. [The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vols.]. Vol. 23. M., Sovetskaya enciklopediya (Soviet Encyclopedia), 1976. Col. 1485.
4. Bushmin A. S. *Hudozhestvennyj mir Saltykova-Shchedrina* [The Artistic World of Saltykov-Shchedrin]. L., Nauka (Sciences), 1987. 368 p.
5. Dmitrenko S. F. *Neznakomyj mir znakovykh knig* [The Unfamiliar World of Familiar Books]. M., MGU, 2019. 160 p.

6. Dmitrenko S. F. *Saltykov (Shchedrin)* [Saltykov (Shchedrin)]. M., Molodaya gvardiya (Young Guard), 2022. 505 p.
7. Zhemchuzhnikov A. M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. M. ; L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1963. 417 p.
8. Kormilov S. I. *Komicheskoe* [The Comic] // *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. M., Intelpak, 2001. Cols. 384–386.
9. Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. The Last Years. 1875–1889. A Biography]. M., 1989. 600 p.
10. Makashin S. A. "Satiry smelyj vlastelin" ["The Bold Lord of Satire"] // *Saltykov-Shchedrin i russkaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Russian Literature] / ed. by V. A. Tunimanov, I. N. Suhikh. L., Nauka (Sciences), 1991. Pp. 5–22.
11. Nikitina N. S. I. S. *Turgenev i M. E. Saltykov-Shchedrin: tvorcheskij dialog* [I. S. Turgenev and M. E. Saltykov-Shchedrin: A Creative Dialogue]. SPb., Nauka (Sciences), 2006. 127 p.
12. Nikolaev D. P. *Satira Shchedrina i realisticheskij grotesk* [Shchedrin's Satire and the Realistic Grotesque]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1977. 358 p.
13. Pavlova I. B. *Pravda v russkom fol'klоре i v proizvedeniyah M. E. Saltykova-Shchedrina* [Pravda in Russian Folklore and in the Works of M. E. Saltykov-Shchedrin] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 2011. No. 4. Pp. 118–122.
14. Pinskiy L. E. *Komicheskoe* [The Comic] // *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. M., Sovetskaya enciklopediya (Soviet Encyclopedia), 1987. Pp. 162–163.
15. Pokusaev E. I., Prozorov V. V. *M. E. Saltykov-Shchedrin. Biografiya* [M. E. Saltykov-Shchedrin. A Biography]. L., Prosveshchenie (Enlightenment), 1969. 168 p.
16. Pokusaev E. I. *M. E. Saltykov-Shchedrin (ocherk tvorchestva)* [M. E. Saltykov-Shchedrin (An Essay on His Works)] // *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenij : v 20 t.* [Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works : in 20 vols.]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965–1977. Vol. 1. Pp. 9–68.
17. Prozorov V. V. *Avtor* [The Author] // *Vvedenie v literaturovedenie : v 2 ch.* [An Introduction to Literary Studies : in 2 parts] / ed. by L. V. Chernec. M., Yurajt, 2020. Vol. 1. Pp. 151–172.
18. Rodnyanskaya I. B. *Hudozhestvennost'* [Artistry] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 9 t.* [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 8. Cols. 338–345.
19. *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenij : v 20 t.* [Collected Works : in 20 vols.]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965–1977.
20. Stroganova E. N. "...Ya prazdnuyu pamyat' izhe vo svyatykh otec nashih Pavla Fivejskogo i Ioanna Kushchnika" ["...I Celebrate the Memory of Our Holy Fathers Paul of Thebes and John Kalyvites"] // *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra : v 2 t.* [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra : in 2 vols.]. SPb., Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya (Russian Christian Academy for the Humanities), 2013–2016. Vol. 2. Pp. 444–452.
21. Tarasov A. B. *Fenomen pravednichestva v hudozhestvennoj kartine mira L. N. Tolstogo : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01* [The Phenomenon of Righteousness in the Artistic Worldview of L. N. Tolstoy : dis. ... Doctor of Philology : 10.01.01]. M., 2006.
22. Tyun'kin K. I. *Itogi zhizni, itogi tvorchestva* [The Results of a Life, the Results of a Career] // *Saltykov-Shchedrin i russkaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Russian Literature] / ed. by V. A. Tunimanov, I. N. Suhikh. L., Nauka (Sciences), 1991. Pp. 23–33.
23. Halizev V. E. *Teoriya literatury* [The Theory of Literature]. M., Akademiya (Academy), 2013. 431 p.
24. Hlebyankina T. I. "Svyatoj starik" (*Saltykov-Shchedrin i pravoslavie*) ["The Holy Old Man" (Saltykov-Shchedrin and Orthodoxy)] // *Saltykov-Shchedrin v zerkale issledovatel'skih pristrastij : materialy konf.* [Saltykov-Shchedrin in the Mirror of Research Preferences : Proceedings of the Conference]. Tver', 1996. Pp. 100–102.
25. Shpagin P. I. *Komicheskoe* [The Comic] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya : v 9 t.* [A Short Literary Encyclopedia : in 9 vols.]. M., 1962–1978. Vol. 3. Cols. 689–691.
26. Yurganov A. L. *Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. M., MIROS, 1998. 447 p.

Поступила в редакцию: 19.02.2026

Принята к публикации: 13.05.2026